

МАРИНА СЕРОВА

**ВСЕ ПРОДАЕТСЯ
и покупается**

Сериал
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Все продается и покупается

«Научная книга»

2009

Серова М. С.

Все продается и покупается / М. С. Серова — «Научная книга», 2009 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Частный детектив Татьяна Иванова назначает деловое свидание подруге в баре «Восторг», не предполагая, чем обернется это затеянное от скуки мероприятие. В баре она с легкой руки Аллы знакомится с Аркадием Трегубовым, подполковником в отставке и владельцем питомника, где выращиваются сторожевые псы. Тогда же Татьяна завязывает знакомство с друзьями Трегубова – Лариком и Ольгой Борисовыми. По прошествии двух дней Ольга Борисова обращается к Ивановой с просьбой помочь отыскать мужа: после той самой вечеринки, повздоров с женой, Ларик отправился в свои владения – теплицы, находящиеся рядом с питомником Трегубова, – и пропал...

© Серова М. С., 2009

© Научная книга, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Марина Серова

Все продается и покупается

Глава 1

На редкость морозная погода установилась в первых числах декабря. Столбик термометра после теплой дождливой осени неожиданно опустился до минус двадцати. Холод сковал промокшую землю, превратил в каток асфальт тротуаров. Ветер завывал в проводах, стучал обледеневшими ветками деревьев, возил поперек улиц нехорошую колючую поземку – пригоршни мелкого снега вперемешку с пылью.

Снега едва хватало, чтобы присыпать впадинки на вскопанных клумбах в скверах и парках, прикрыть следы человеческих ног и собачьих лап, впечатавшихся в грязь и замерзших с ней до весны.

Холод быстро утомил всех. Не успевшие привыкнуть к нему люди старались меньше бывать на улице и, как всегда, с интересом слушали сводки погоды, ожидая снегопада и потепления.

Снегопад случился вечером пятницы и нагрянул, как стихийное бедствие. Во второй половине дня небо затянуло плотными облаками, ветер стих и с наступившей темнотой пал на город снег. Он валил настолько густо и такими крупными, сухими хлопьями, что мешал дышать и смотреть. И идти по нему было трудно, как по глубокому сыпучему песку.

Двое мальчишек, из тех, которым все нипочем, а уж снегопад-то – просто мелочь какая-то, забава и не более, субботним вечером встретились для того, чтобы совершить поход в окрестности рукотворной резиновой горы и посмотреть, как там: не сдвинуты ли ветром или каким неведомым врагом пласты автопокрышек, не нарушены ли ходы в их толще, с большим старанием проложенные заранее в ожидании зимы и снега. После снегопада они превратятся в пещеры, скрытые от глаз людских, никому не ведомые, кроме их хозяев. Нет, что бы ни говорили родители, а житье на краю города все-таки имеет свои преимущества!

– Антоха, привет!

– Сам привет, я уж знаю сколько тебя тут ожидаюсь!

И впрямь, Антоха напоминал снеговика, столько снега налипло на его куртке и брюках, натянутых штанинами на валенки. Валялся Антоха от нечего делать, дожидаясь друга, – да разве устоишь перед тем, чтобы не окунуться с головой в пушистые сугробы, не виданные с прошлого года?!

– Фонарь не забыл?

Вовка, стянув рукавицу, достал из-за пазухи круглый, блестящий и длинный фонарик с фарой пошире ладони взрослого человека. Включил его, приставив к подбородку, и оскалился.

– Взя-ал!

Его лицо, освещенное снизу, привиделось маской из фильма-ужастика.

– Из-за него и опоздал. Отец в сарай ходил, да задержался. Искал чего-то. Пошли!

Ребята двинулись по окраинной улице, временами аж по колени увязая в снегу и забавляясь завесой идущего снега, которая в луче фонаря казалась еще плотнее.

– Во сыпет! Может, не пойдем сегодня? – предложил быстро упухавшийся Вовка. – До теплиц-то еще топтать и топтать и все по полю.

– Нет, давай как решили. Ты что! Вспомни, как летом на великах за минуту дотуда доезжали.

– Так то летом.

– Не дрейфь! – Антон, развернувшись, хлопнул Вовку по спине, да так, что тот споткнулся и едва не рухнул плашмя на дорогу.

– Сейчас разогреемся, жарко будет! – остановил Антон миролюбивым тоном и жестом готового в отместку броситься на него Вовку. – А как дойдем и залезем в главную галерею, отдохнем и покурим. У меня сигареты с собой!

Это окончательно решило дело и уничтожило все Вовкины сомнения.

– А спички? – спросил он, и то только для того, чтобы оставить за собой последнее слово.

Вместо ответа Антоха хлопнул себя по боку.

Заборы кончились, и мальчишки вышли в поле, к проселочной дороге, вконец разбитой еще с осени колесами грузовиков. Ветерок здесь чувствовался основательней; мело, и глубокая колея, до краев засыпанная снегом, при каждом неосторожном шаге била мерзлыми кочками по подошвам подшитых валенок. Ребята попробовали выключить фонарь и идти без света; тьмы не было, не то что осенью – бело кругом. Но и жутковато. Едва попривыкли глаза, стало казаться, что от города они – хотя вот он, обернись только – за тысячу миль, и дорога, по которой идут, ведет в никуда, и что не найти их теперь, не спасти никому на свете.

Первым проняло Антона.

– А ну ее, Вовк! – махнул он рукой, стараясь придать своему голосу бесшабашность, как у героя вестерна. – Давай, включай свою фару, а то камни под ноги лезут!

– Давай! – согласился тот. – Далеко еще?

Впереди, как из тридевятого, но не доброго царства глухо доносился редкий собачий лай с басовитыми подвываниями. Идти оставалось совсем недалеко.

* * *

Замело Тарасов. Замело за сутки так, что встал транспорт, и старушки в очередной раз стали поговаривать о близящемся конце света и втором пришествии. Хорошо еще, что произошло это под выходные и многие дела можно было отложить на потом, перенести на более благоприятное в погодном отношении время. Только крайняя необходимость могла погнать из дома в такую погоду. Даже псы жались по подворотням, подъездам и другим своим укромным углам.

Безлюдно на улице. Одна я из природного, видно, упрямства пробиралась, увязая в сугробах, по ставшей труднопроходимой улице, пряча лицо за широким воротником.

В самом деле, не менять же планы из-за какого-то снегопада, пусть даже сильного, первого и долгожданного. Даже то обстоятельство, что передвигаться приходится пешком, не смогло заставить меня позвонить Анохиной, извиниться и остаться дома. Хотя, если по правде, на улицу меня выгнало одиночество. Безрадостная перспектива на весь вечер остаться одной в четырех стенах, в той особенной, тоскливой тишине, которую не разрушить никакими теле- и радиоприемниками, не скрасить книгами и игровыми сражениями в личном компьютерном казино.

Стараясь не спешить, я пробиралась вперед под фонарями, любясь снегопадом. Во всяком неудобстве надо стараться находить что-то если не приятное, то, во всяком случае, красивое, иначе останется только одно – раздражаться попусту.

Снежные хлопья, медленно кружась, плыли в неподвижном воздухе, и их было так много, что, казалось, они вплотную нанизаны на невидимые ниточки, перепутанные между собой, словно людские судьбы.

Если б не Анохина, сидеть бы мне в четырех стенах и любоваться всем этим великолепным безобразием с высоты шестого этажа через замерзшие и залепленные снегом окна.

Алла примчалась вчера днем, накануне снегопада, чудом застав меня дома, и едва не высадила бронированную дверь квартиры.

– Таня, я погибла! – сообщила она, когда я, возмущенная стуком и трезвоном, распахнула перед ней дверь, готовая взорваться хозяйским негодованием.

Впечатление погибшей она, раскрасневшаяся, в расстегнутой куртке и выбившемся из-за воротника шарфе, не производила. Ей больше подошел бы имидж победительницы в штурме автобуса в час пик. Алла взмахнула портфелем, отодвинула меня им в сторону, ввалилась в прихожую и, усевшись на краешек столика под зеркалом, продемонстрировала округлившиеся глаза за слегка запотевшими стеклами очков.

– По-гиб-ла! – повторила она, для убедительности кивая головой на каждом слоге.

Я ухватила ее за рукав и поволокла на кухню – воскрешать горячим чаем и сигаретами.

Алла размотала шарф, бросила его на стол, взяла фаянсовую кружку с чаем, поднесла ее ко рту и поперхнулась. Ее рука дрожала, и я вдруг поверила, что дело, очевидно, действительно нешуточное.

– Только что у меня сперли диктофон! – проговорила она между двумя глотками, поставила чашку и, подняв очки на лоб, сжала виски ладонями. – А в нем интервью с самим мэром. Ой, Танюха, пропала моя головушка!

Пришлось даже прикрикнуть на нее, чтобы добиться более толкового рассказа, и через пять минут я была в курсе случившегося.

После пресс-конференции в мэрии, где Анохина присутствовала как репортер местного телевидения, она, головушка садовая, возвращаясь в редакцию, попутно завернула на рынок, чтобы не тратить на него потом времени. Расплачиваясь за каким-то прилавком, положила мешавшийся в сумочке диктофон рядом с весами и, конечно же, забыла его там. Пропажу Алла обнаружила почти тут же, вернулась, да где там... Продавщица сказала, что после нее здесь крутился бродяга в рваном «петушке», детской, рукава по локоть, болоньевой куртке и со здоровенной грязной сумкой. Алла оббегала все проходы, все ряды за рынком, но бродягу, подходящего под описание, не нашла. И немудрено – в такой-то толчее, как на рынке!

Не теряя времени, Анохина явилась ко мне за помощью или советом, по опыту зная, что круг знакомств частного детектива включает в себя и бродяг тоже.

Быстренько собравшись и вытурив ее, одарив на прощанье советом не волноваться и не ругать себя зря, а принять любой исход как уже имеющуюся данность, я пробежалась по нескольким адресам и навела справки. Ближе к ночи, когда в воздухе зареяли первые снежинки, мне позвонили и обрадовали – диктофон удалось «перехватить» у нового «хозяина», согласившегося расстаться с ним за полтора литра «Анапы» и буханку хлеба. Прибавив к уже уплаченному еще литр дешевого пойла, но только деньгами, я стала полноправной владелицей интервью с городским мэром.

Вопросы журналистов и его ответы я продиктовала Алле по телефону, затратив на это час, не меньше, а сам диктофон договорилась отдать ей нынешним же вечером в баре с дурацким названием «Восторг» за пару коктейлей.

Вот и иду теперь, загребая ногами по глубокому снегу, чтобы сдержать обещание и угоститься честно заработанной «Карменситой». Если бы не подходящая компания Аллы и дяди Славы – седоусого, полного здоровяка, известного мне не одну тысячу лет бармена, то, ей-богу, не стоила бы овчинка выделки.

* * *

«А если платить каждый месяц по стольку лишь за место под небом и за пару кирпичных коробок с отоплением, то, как пить дать, не стоила овчинка выделки», – думал Стихарь, накручивая баранку, и знал, что лукавит перед самим собой, но лукавит по необходимости. Дело было выгодным и выгодным бы оставалось, случись платить даже в два раза больше. Но сам факт платежа, бесспорно, позорный факт, больно бьющий по чувству собственного досто-

инства, с недавних пор плотно засел у шефа в печенках и беспокоил его, как заноза в одном месте. А Генерал беспокоил Стихаря, а Стихарь – Губастого, все по инстанции.

«С этими платежами Трехгубый на волоске повис, ха!»

Стихарь повернул машину и поддал газку. Она понеслась по-бизоньи, врезаясь в сугробы, наметенные посреди улицы, разбивая их в пыль, разметывая в стороны. Приятно было чувствовать такую силу в руках, покорную и опасную одновременно.

«Шеф меня на его место прочит, – с сожалением, но не без гордости додумал Стихарь мысль, и ей на смену пришла другая: – А мне это надо? – И опять почувствовал, что врет себе, что надо: не век же ему при шефе в „шестерках“ бегать. Но дело пока еще сварено не было, и, если по-умному, не стоило пока губы раскатывать на доходное место. – Мне это не надо, – сделал вывод Стихарь. – Нас и здесь неплохо кормят. Такую тачку оторвал, во-о!»

«Лендровер», даром что городской вариант, могучий, при сравнительно небольших размерах, бык по сравнению с другими, даже с самыми навороченными джипами, радовал сердце и согревал душу. И по комфортабельности не уступал коляскам представительского класса. Этой машине, казалось, любая дорога нипочем.

Стихарь принялся и вырубил музыку, будто мешала она обонянию. Нет, вроде не почудилось: в салоне, не смешиваясь с запахами дорогих сигарет и кожаной обивки, явно пованивало тухлятиной.

«Ах ты, тля! – Стихарь на ходу обернулся назад, бросил быстрый взгляд в сторону кормовой части – багажника. – Неужто „груз“ оттаивать начал? Не довезу, тл-ля! Когда же он протухнуть успел, на морозе-то?»

– Тл-ля-а! – взревел он на сей раз громче мотора и ударил по газам.

«Лендровер», словно закусив удила, рванулся вперед, не разбирая дороги. От центра далеко, улицы пустынные, даже пешеходов не видно. А на светофоры – плевать! Менты же сейчас все по конторам чаи гоняют, наморозив за день сопли по перекресткам. Да и не угнаться им за «лендом», как называл свою машину Стихарь, на своих «жигулятах» и низко сидящих «Фордах» по сугробам-то!

Ну вот и окраина. Главное – за город выбраться, а там рукой подать.

Машина миновала последние дома – жалкие, частные залепушки, которые залепушками и останутся, как ни обкладывая их кирпичом и ни крой оцинковкой, – свернула на проселок и тяжело ухнула в присыпанную снегом глубокую колею. У Стихаря лязгнули зубы, и он длинно, витиевато выmaterился. Машине-то ничего, она и на бок ляжет – поцарапается только, а вот прикушенная щека сразу закровоточила. Тля!

– Ну, Губастый, мать твою трехгубую душу!..

Не договорил Стихарь, осекся, слишком занят был управлением.

* * *

«Восторг» – сквозь снежный занавес вывеска бара моргала разноцветным неоном. Стекла входных дверей неярко светились в ночном полумраке. И полумрак был внутри, только с зеленоватым оттенком, теплый и шумный. Далеко не на всех столиках, рядком выстроившихся вдоль стены, горели шарики светильников – народу, по случаю непогоды, сегодня здесь было немного. И даже у стойки, монументального сооружения из блестящей стали и темного полированного дерева, никого не наблюдалось. Обычно к ней не подобраться. Но тем не менее, как всегда, помаргивал и бубнил телевизор, играла музыка, и две пары, обнявшись, топтались в пространстве между стойкой и столами.

Дядя Слава в ослепительно белой форменной курточке крутил блестящий пенал миксера, чуть ли не подбрасывая его в воздух, и лысина его сияла, как начищенная, в свете небольших

прожекторов, освещавших только его хозяйство. Он расплылся в гостеприимной улыбке, дружески закивал, едва я появилась в дверях, и пригласил жестом подойти ближе.

– Что, Танюш, сразу «Кармен» или сочком разомнемся? – спросил вместо приветствия, а когда я оказалась рядом, перегнулся через стойку и негромко доложил: – Тебя здесь спрашивали, имей в виду.

– Кто?

– Женщина в очках. Гладкая и ровная по всей длине, как ручка швабры. Если хочешь, идем, выпущу через служебную дверь.

Я благодарно улыбнулась.

– Отбой, дядя Слава. Мы с ней договорились здесь встретиться.

Он кивнул, прикрыв умные глаза, и спрятал под усами улыбку.

– Она не ушла?

У дяди Славы поднялись брови, и он коротко ткнул пальцем в сторону зала. Там, у двух сдвинутых вместе столиков, гомонила подвыпившая компания. Отвернувшись от освещенной стойки и дав глазам привыкнуть к полумраку, я разглядела между подгулявшими посетителями и Аллу, увлеченную разговором.

Я не против компаний, больших, малых и даже совсем незнакомых. В двадцать семь лет у нормального человека должно быть достаточно ума, чтобы мало-мальски разбираться в людях, не попадать впросак и не нарываться на неприятности. Это так. Но я все-таки предпочитаю наблюдать за людьми со стороны.

* * *

Когда мальчишки оказались у цели, сзади, со стороны города, послышался ослабленный расстоянием звук мощного мотора и негромкий удар, сразу после которого двигатель коротко взвыл, как вскрикнул.

– Ого! Кто-то в столб впендюрился! – воскликнул Антоха. Оба обернулись, но небольшой пологий бугор, с которого они только что спустились, напрочь закрывал от них город.

– Лезем на гору! – скомандовал Вовка. – С верхотуры поглядим, оттуда виднее будет!

Ребята по целине кинулись к овражку, сразу за которым возвышался над непаханным полем настоящий холм из старых автопокрышек, не один год свозимых сюда авторемзаводом, несмотря на жалобы деревенских жителей, на чьей земле была устроена эта свалка, зато к радости окрестных сорванцов, устраивающих здесь настоящие сражения во все времена года.

Скатившись в овраг, Вовка и Антон увязли в сугробе по пояс, а когда все-таки пробились к противоположному склону, оказалось, что взобраться по нему почти невозможно, настолько еще сыпучим был покрывавший его снег. Продвигаться пришлось, разгребая его до земли, по которой скользили подошвы валенок. Вовка, взмокший от усилий, выбрался с первого раза, а Антоха, оступившись на полпути, съехал на животе вниз, громко вопя от досады.

Как ни подмывало Вовку немедленно лететь наверх по черным «колесам», но не бросать же друга из-за какой-то машины, которая, кстати, никуда и не делась, а все еще рычала двигателем, и звук его вроде бы стал ближе.

– Хватит копать! – крикнул Вовка замешкавшемуся на дне Антону. – Давай быстрее!

– Не ори! – ответил тот неожиданно серьезно и не поторопился на скользкий склон. – Вовка, свети сюда. Я человечью черепушку нашел.

– Чего?

Вовкина прыть куда-то испарилась, он оглянулся по сторонам, и жутко ему стало: осознал вдруг, что одни здесь, посреди зимнего ночного сумрака, а резиновая гора, в недрах которой недавно обустроили они с Антохой тайную галерею с запасными выходами, возвышалась рядом совсем уж зловеще. И еще собачий этот брех с басовым подвывом! Надо же, и не успокаивается

никак! Будто и не собака вовсе, а заходится в голодной тоске тощий мохнатый оборотень из американского фильма!

– Глянь, и точно череп! Только напололам расколотый.

Антон поднял что-то над головой и помахал этим в воздухе.

– Иди сюда, Вовк, или боишься?

– Не-а! – куражом преодолев охватившую его жуть, ответил Вовка и, сжав крепче фонарик, сел на снег и съехал вниз, в безветренную тишину, где не слышно было, как взрывается двигатель забуксовавшей за бугром машины.

* * *

– Налей мне коньячку, дядя Слава, на палец, не более, – попросила я бармена вполголоса, и он меня услышал, хоть и отошел сейчас к другому концу стойки.

Пробуя коньяк так, чтобы только чувствовать вкус и жжение на языке, я время от времени бросала быстрые взгляды через плечо – следила за людьми у сдвинутых столиков и соображала – подойти к ним или позвать Аллу сюда.

Дядя Слава по старой дружбе принял от меня плащ в обмен на бокал своей фирменной «Карменситы», и я со своей, так сказать, выпивкой направилась к столу.

– О'кей! – услышала я, остановившись за креслом Аллы. – О'кей, девица, я тебе говорю! Ты все время забываешь, кто он такой, иначе не позволила бы себе усомниться.

Слишком громко и не слишком любезно. О чем это они толкуют, черт возьми?

Говоривший сидел напротив, но, то ли в запале, то ли во хмелю пребывая, не обратил на меня ни малейшего внимания.

– Он, Аллочка, лицо ар-рмейской национальности и таким помрет, правду я говорю?

Он перегнулся через стол и шлепнул по руке второго, сидевшего спиной ко мне, рядом с Аллой. Тот согласно дернул головой и промолчал.

– А что помрет он, это я вам гарантирую! – оратор закончил речь и захохотал. Смех его был громким и неприятным. Ничего себе шуточки!

Алла наконец почувствовала за спиной мое присутствие.

– Танюша! – обрадовалась она, поднялась и чмокнула меня в щеку.

– Кто это? – негромко спросило лицо армейской национальности.

– Моя самая таинственная и загадочная подруга!

– Раз так, пусть садится! – воскликнул оратор и широким жестом указал мне на место во главе стола.

Мне с этими людьми уже и теперь не нравилось, но Анохина смотрела на меня так умоляюще, что отвалить сразу я не смогла.

– Почему таинственная? – поинтересовалось лицо, и мне пришлось ответить быстро и самой, чтобы закрыть рот Анохиной:

– Потому что Татьяна.

– Аркадий, – тотчас представился он. Похоже на то, что хмеля в нем было не больше, чем в родниковой воде, хотя рюмка перед ним стояла пустая и в фужере жидкости было лишь на донышке.

– Значит, так, Татьяна, – оратор исправно продолжал исполнять роль лидера. – Я – Ларик, а это – Алла, Аркаша и Ольга, моя жена.

Ольга в зеленом полумраке казалась совсем молоденькой. Это была барышня с большими глазами, по-простецки зачесанными назад волосами и в свитере, похожем на мой как две капли воды. Аркаша был, пожалуй, постарше Ларика и, в противовес ему, казался непробиваемо спокойным.

– Татьяна! – произнес он медленно, будто пробуя на вкус мое имя, и замер с полуулыбкой на лице, не сводя с меня глаз.

– А у нас тут спор! – Алла подвинулась ко мне, но Ларик ее перебил:

– В двух словах, в двух словах! – замахал он по-пьяному руками. – Аркаша берется доказать всем женщинам мира, что можно остаться в ясном уме и твердой памяти, выпив залпом бутылку водки. Скажи, дружище?

Но ответила Ольга:

– Да что вы, ребята, бросьте, хватит чудить, тоже мне, гусары нашлись!

Вот как! Не скандал у них, оказывается, а почти пари, благородное дело. А Ольга-то масла в огонь подливает, да так неприкрыто. Интересно, что бы она пела, отважась на такое ее Ларик?..

Мне не хотелось участвовать в их полупьяном пари, и, сделав знак Алле, я совсем было уже собралась подняться, но она покачала головой и прижала палец к губам.

Ларик сходил к стойке и вернулся с пивной кружкой, опорожнил в нее бутылку водки.

– Огня! – потребовал Аркадий и сам включил шарик-светильнички в середине каждого стола, по своей малости света почти не добавившие.

– Как домой-то добираться будете? – укоризненно поинтересовалась Ольга и ковырнула вилкой куриную ножку, лежащую перед ней на тарелке.

Ларик поставил кружку перед лицом армейской национальности.

– Давай! – тряхнул рукой перед ним.

– Прошу прощения у честной компании за приготовления, которые не всем могут показаться приятными, – пробасил Аркадий.

Он коротко, по-прежнему пристально глянул на меня и придвинул ближе блюдо с нарезанным тонкими кружками лимоном. Достав из нагрудного кармана пиджака платок, тщательно вытер им совершенно сухие ладони и одну за другой выжал дольки, собирая сок в пустую рюмку.

– Алла! – не выдержала я, но она даже не повернулась.

Аркадий передвинулся на самый краешек кресла и, откинувшись назад, опустил затылок на его спинку. Алла подала ему рюмку с лимонным соком, и он, зажмурившись, медленными, уверенными движениями влил его в обе ноздри по очереди, не пролив при этом ни капли. Закрыв лицо платком, посидел так немного и резко выпрямился. В два ручья по щекам из его глаз стекали слезы и капали на белый воротник рубашки. Водку Аркадий пил медленно и спокойно, как воду.

Все! Не желаю я досматривать до конца это представление, и последствия меня не интересуют.

– Подойдешь ко мне, я у стойки, – шепнула я Алле и, освободившись от ее пальцев, вцепившихся в мое запястье, поднялась и отошла на прежнее место, к стойке.

Дядя Слава вопросительно приподнял брови, и я, поморщившись, объяснила ему:

– Чумятся по-своему...

Для него такое – серые будни.

Нет, и здесь достает меня скука! Не удалось от нее сбежать, уйдя из дома. Черт побери!

* * *

Не думал Стихарь, что замерзшая колея попортит ему столько нервов. Она оказалась труднопреодолимой даже для широких колес «Лендровера». Сбиваясь в колдобины, машина едва не садилась на брюхо, и, когда это произошло в первый раз, у Стихаря екнуло сердце, а под носом проступила испарина. Машина-то новая, ах ты!.. Кляня на чем свет стоит погоду, дорогу, собственную торопливость, погнавшую его по короткому пути, он старался править по

струночке, но снежные переметы скрывали путь, обманывали, заманивали в ямы. Пришлось даже забуксовать в снежной каше где-то на полпути, а когда он справился и двинулся дальше, почувствовал, как майка липнет к взмокшей спине.

Дошел Стихарь до такой степени раздражения, что, когда сбоку, из темноты в свет фар вынырнули двое мальчишек, таща на палке перед собой какой-то горшок, он едва удержался от того, чтобы вместо тормоза не придавить педаль газа. Не обойдясь обычной матерщиной, Стихарь распахнул широкую дверцу и рванулся вдогонку – надрать бы уши и накостылять по шеям этим щенятам, сдуру сующимся под колеса...

Сварные ворота из листовой стали и массивных уголков оказались открытыми чуть ли не настежь, но это даже понравилось Стихарю, зажгло в нем злорадный азарт.

«Сейчас оторвусь на раззявах!» – с удовольствием подумал он, загоняя машину на просторный двор.

Оторваться было за что. Даже перед Губастым, будь он здесь, можно было сейчас пройтись старшим козырем.

– Эй, Трехгубый! – крикнул Стихарь, входя в помещение бывшего гаражного бокса, холодного и пустого, со старым тряпьем, развешанным на гвоздях, понатыканных в стены.

«...бый!» – отозвалось короткое эхо, и через секунду откуда-то, как из-под земли, раздался еле слышный многоголосый собачий брех.

– У, тля! – для начала обругал Стихарь единственную тусклую лампочку, висевшую под потолком на коротком проводе.

На эти слова, теперь уже не из-под земли, а из-за неплотно прикрытой двери сбоку, раздался надсадный, простуженный кашель и слова, произнесенные хриплым, недовольным голосом:

– Кой бес там матерится, а?

Это «а?» взбесило Стихаря еще больше. Он рванул на себя дверь, не придержал ее, грохнувшись от этого о стену, и широким, по-хозяйски неторопливым шагом вошел в комнату, в которой, кроме стола, стеллажа с телевизором, работающим с выключенным звуком, и топчана, застеленного старым кожухом, ничего не было.

– Вставай, Желудь! – процедил сквозь зубы Стихарь и брякнул на стол черную болоньевую сумку, придерживая ее рукой, чтобы то, что было в ней, не выкатилось на пол.

– Женечка! – тот, кто лежал на топчане, и не подумал выполнить приказание, отданное столь категорично. – Сколько раз здесь вас просили оставить свои блатные замашки и называть всех по именам? Мы не на зоне и не в обществе отморожков. Так что будьте любезны к людям обращаться по-человечески, в каком бы настроении вы ни изволили пожаловать.

Тот, которого называли Желудем, окончив проповедь, спустил босые ноги с топчана, сунул их в валенки, стоящие рядом, и, поправив на себе расстегнутую телогрейку, воззрился на Стихаря до святости невинными глазами. Как ни зол был Женька, а не сдержал улыбки. Оскалиться, правда, постарался по-хищному. Волосы на голове Желудя в силу загадочных причин сползли сверху вниз – с темени и затылка, голых, как бабье колено, на впалые щеки и подбородок, заросшие многодневной густой, рыжей щетиной, начинающейся от самых глаз.

– Молчи, Сергей Иванович. – Стихарь даже нагнулся, чтобы взглянуть в эти белесые глаза попристальней. – Помалкивай, интеллигент херов. Если я скажу об этом, – он ткнул пальцем в направлении стола и сумки на нем, – Генералу, всю вашу чистоплюйскую компанию вместе с Губастым погонят отсюда сраными трусами!

Сергей Иванович, так и не опустив глаза, сморщился, как от кислого. Тогда Стихарь схватил со стола сумку, быстрым движением выхватил из нее и швырнул на колени Желудя человеческий череп.

Сергей Иванович, отбросив в сторону страшный предмет, вскочил, тут же наткнувшись на Стихаря. Женечка схватил его обеими руками за телогрейку, встряхнул так, что у того мотнулась голова, и выдохнул в давно небритое лицо:

– Ты, бывший интеллигентный человек, сейчас пойдешь во двор! Там в багажнике моего «ленда» лежит жратва для ваших собачек. Но, смотри, чтобы такого... – он угрожающе кивнул на череп, откатившийся по полу к стене, и не договорил. Желудь рывком вырвался из его рук и выскочил в открытую дверь.

Стихарь носком башмака катнул мертвую голову прочь из комнаты, подошел к столу, с грохотом подвинул стул, сел и, довольно улыбаясь, налил в грязный стакан остывшего чая из пузатого чайника с самодельной проволоочной ручкой.

– Тл-ля! – пропел он коротко. – Теперь и ворота закроет, и собак спустит! – и удовлетворенно мотнул головой.

* * *

Потребовав у дяди Славы свой плащ с чужим диктофоном в кармане, я приготовилась коротать время с очередным бокалом «Карменситы» в обществе пожилого бармена, которому сейчас было временно не до меня, потому что заказали ему целую батарею коктейлей, совсем уж невероятных по количеству компонентов.

«И все же здесь лучше, чем дома, – решила я после короткого раздумья. – Больше шума, от меня не зависящего. Буду сидеть, пока совсем не надоест. А потом уйду. Положу диктофон перед Анохиной и подамся восвоюси».

Не пришлось. Анохина сама подошла ко мне, обняла за плечи и громко зашептала в ухо:

– Рекомендую, Татьяна, мужика. Не смотри, что виски седые, сама знаешь, в наше время седеют быстро. Скучать не будешь, гарантирую. Я его немного знаю. Был в «горячих точках».

Я отодвинулась и посмотрела удивленно: не похожа Анохина на бабенку, готовую сбыть с рук, что самой не подошло, выше этого она. Да и меня знает. Знает мое отношение к мужчинам. Пьяна, что ли? Да, кажется, не трезва. Тогда прощаю.

– Держи, сводня!

Я протянула ей диктофон. Она, почти не глянув, затолкала его в нагрудный карман джинсовой куртки.

– Аркашка без ума от тебя! Если захочешь, можешь им...

– Слишком много пьет! – категорически оборвала я ее шепот.

– Так не пьянеет же! – тряхнула она растрепавшимися волосами. – Зря!

Дядя Слава, глядя на нас, улыбался в усы.

– Как ты попала к ним, подруга?

Алла энергично поскребла затылок и отобрала у меня дымящуюся сигарету.

– Я Оленьку давно знаю. Она работала в «Губернских вестях», а я – в «Вестнике». Редакции на одном этаже были. Ну Ларик ее, доложу тебе!.. Ладно, это не наше дело. А Аркадия в первый раз вижу.

– Кто они такие, Аркадий, Ларик?

– У Ларика теплицы, а Аркадий, по-моему, собаками занимается. Разводит для продажи, что ли. Вояка. Рекомендую, Таньк, а?

– Ты уймешься? – глянула я на нее почти неприязненно.

– В отставке, – прозвучало сзади. – Подполковник в отставке.

– Ну я пошла, – не без кокетства сообщила Алла и двинулась к столикам, оборачиваясь на ходу и поблескивая через плечо очками.

– Итак, Аркадий... – начала я, собираясь вежливо отбить у него охоту к общению, но он перебил:

– Татьяна, набиваться в кавалеры я не собираюсь, можете не ершиться.

Славно! Редкая у него манера произносить слова – медленно, но без какой-либо рисовки. Необычная. Голос низкий. Худое молоджавое лицо. И ведь действительно не производит он впечатление пьяного. После бутылки-то с хвостиком!

– Просто интересно мне поговорить с частным детективом Татьяной Ивановой.

Меня даже оторопь взяла на какое-то время, но справилась, подумала, что вполне мог узнать он это от Аллы, еще до моего прихода.

– Нет, ваша подруга здесь ни при чем. – Аркадий словно мысли мои прочитал. – Откуда знаю вас? Слухом земля полнится.

«Слухом так слухом», – пожала я плечами.

– Да, болтливостью вы не страдаете.

Мне даже жалко его стало, и именно поэтому я разлепила наконец губы:

– А я вот вас не знаю ни по каким слухам.

Он рассмеялся.

– Был подполковник, теперь – собачник.

Гордо он это произнес, будто похвалился.

– Не смотрите удивленно. Этим делом мне хотелось заниматься с детства. Можно сказать, осуществил свою мечту.

Нет, пьян все-таки. Сейчас начнет изливать душу.

– Псарня, Татьяна, представьте! И не для каких-то неженков с полуметровыми зубами, типа ротвейлеров или доберманов. И не для заносчивых овчарок, с которых вся спесь слетает, когда по-настоящему туго приходится. Овчарка, Таня, когда понимает, что ее жизни настоящая опасность угрожает, бросает хозяина и сматывается без зазрения совести. Да, это так, и не спорьте, пожалуйста.

Спорить? Больно надо! Тем более на тему, интересующую меня меньше всех прочих. Пусть себе заливается!..

– Дворняги. Да, двор-няги! Нет умнее и преданней собак, а уж про выносливость и неприхотливость, по сравнению с породистыми, и говорить не приходится. Здоровенные, как телята, мохнатые, сильные, свирепые псы! А дрессируются – как прилежные школьники уроки учат. Сколько труда мне стоило подобрать производителей!

– Кто же у вас таких покупает? – спросила я, невольно заинтересовавшись его увлеченностью.

– А я и не продаю их.

Аркадий вдруг словно стушевался, растерял весь свой пыл.

– Ращу, дрессирую и сдаю в аренду для охраны. Или сам по вечерам отвожу на объекты. Туда, где запереть их можно или на цепь посадить. Иначе – разорвут любого чужого.

– Прямо-таки...

– В клочья! – не дал он договорить, и у меня мороз пошел по спине от его жутковатой уверенности. – Ну что, удалось мне вас увлечь?

– Нет, – ответила я откровенно.

– Жаль. Чем же мне вас заинтересовать?

– Своей фамилией. Вы-то мою знаете.

Его глаза засветились радостью.

– Трегубов я, – просто представился Аркадий и улыбнулся, пожалуй, впервые за все время.

Мне понравилась его улыбка. Мужественная, но без рисовки, открытая и искренняя.

«Я рад, что ты поинтересовалась моей фамилией», – вот о чем вне всяких сомнений говорила эта улыбка. И чего я ершусь, не в постель же он меня тащит, в самом деле?!

– Вы не любите знакомиться в барах? – спросил он, на этот раз с сожалением.

– Я вообще не люблю случайных знакомств и разговоров на эту тему тоже не люблю, так что лучше и не начинать.

– Готов поддержать любую другую, только предложите!

Ну, он уже становится навязчивым. Пора переходить на несколько иной уровень вежливости.

– А где вы научились так пить?

– В армии, – пожал он плечами.

Мимо! Не вышло.

– По какой причине Ларик относится к вам пренебрежительно?

– Разве?

На этот раз улыбка получилась на удивление злой.

– Наверное, потому, что я нахожусь в некой зависимости от него. Уточнить хотите?

Застарелое раздражение, вызванное моим вопросом, обозначило себя казенно-армейскими нотками, прорезавшимися в его голосе.

– Это ваша личная трагедия, – отказалась я уточнять и поднялась. – Я ухожу, Аркадий Трегубов. И не вздумайте меня провожать. Не надо портить о себе впечатление.

– Ладно, – согласился он огорченно и безропотно. – Не буду.

Глядя на его опустившиеся вниз уголки губ и слегка склоненную голову, я вдруг почувствовала, что он нравится мне. Господи, со скуки, что ли?

– До встречи, Аркадий.

– Правда, до встречи?

Глаза его стали наливаться хмельной мутью. От огорчения, наверное, ну не от грусти же!

– Думаю, да, – обнадежила я его и даже предположить не могла, насколько оказалась права.

– И я надеюсь. Буду надеяться! – проговорил он, протягивая для прощального пожатия руку, которую я не сочла уместным заметить. Дамам это простительно.

Глава 2

Двое с половиной суток миновало с того субботнего вечера. Снег местами убрали, а в большинстве прикатали колесами, и жизнь в городе вошла в обычную колею.

Если я и вспомнила Аркадия, то раз или два, не более. Во всяком случае, по ночам он мне не снился. Да и некогда было грезить-то. С воскресного полудня и почти до вечера понедельника не давали мне скучать местные бандиты. Нет, не отморозки какие-то, не пустопорожня шпана, балующаяся холодным и огнестрельным оружием ради доказательства собственной лихости. Нанесли мне визит люди солидные, не раз зону топтавшие, хорошо известные в своих кругах, а мне – по кое-каким прошлым своим делам. Они пришли к Ведьме, ко мне то есть, с просьбой вполне корректной, с моей точки зрения, – за полторы тысячи посидеть в своей машине неподалеку от одного из центральных скверов и пронаблюдать за передачей небольшого кейса с деньгами одним человеком другому. Их личности были показаны мне на фотографиях, и моя задача сводилась лишь к фиксированию факта передачи кейса из рук в руки.

Вся процедура, включая ожидание на месте, не заняла и тридцати минут, а на сороковой, доложив о результатах по сотовому телефону и получив в добавление к деньгам, уже хрустевшим в моем кармане, благодарность и обычное в таких случаях обещание помощи в трудных жизненных ситуациях, я снова оказалась не у дел.

Бывают такие периоды в жизни частного детектива, когда и не сообразишь сразу, что это – отпуск с отгулами или временная безработица? Впрочем, не у дел после этого звонка я оставалась не то что недолго, а буквально считанные минуты. Едва успела тронуть с места машину, как в «бардачке» занял молчащий до этой минуты сотовичок, и период безделья прервался голосом Анохиной, пропевшей мне в ухо:

– Таню-ушенька! Привет, привет, радость моя! Извини, никак не могла выбрать время тебе позвонить. Ты не в претензии за тот вечер в «Восторге»? Ну как же, я тебя пригласила, а сама оказалась в компании! Поверь, это произошло случайно.

Я накручивала руль, придерживая сотовик у самого уха, и не заботилась об ответах. Знала по опыту – Алле достаточно моего редкого хмыканья, чтобы быть уверенной в том, что ее слушают, и продолжать болтать в свое удовольствие. На сей раз ее щебетание закончилось неожиданно:

– А ведь я тебе по делу названиваю. Ларик пропал.

«Пропал Ларик», – отметила я про себя, трогая машину с перекрестка и увертываясь от старой «Шкоды», притирающей меня к бордюру. В самом деле, куда-то пропал какой-то Ларик.

– Ты что молчишь? – удивилась Анохина, и это было уже не совсем обычно – требовалось отвечать.

– Да, да, поняла, – заторопилась я, чтобы не обидеть ее невниманием. – Слушаю, излагай дальше.

– Нет, ты не поняла! – настаивала она. – Ларик Борисов, товарищ Аркадия, муж Ольги, ну?.. Бар «Восторг», суббота, вспомнила?

– Алла, я все помню. Пропал Ларик, что дальше?

– В тот самый вечер, в субботу пропал. Сразу после бара. И до сих пор не объявился.

– В милицию заявили?

– Уже вчера по телеканалу показывали его фотографию и приметы, но пока все глухо. – Алла вздохнула и добавила: – Не знаю, что дальше будет.

Я начала раздражаться.

– Что-то не пойму, ты-то здесь при чем? Печальный случай, город большой, люди нередко пропадают. Да и времени пока прошло мало, всего-то два дня. Подожди, еще объявится. Муж с женой поскандалил и загулял с горя. Вот пусть она и беспокоится.

Я даже запыхалась от своей короткой, но произнесенной на едином дыхании речи.

– Она как раз и просит тебя о встрече. Я звоню по Ольгиной просьбе.

Наконец-то они всплыли в моей памяти все, включая лицо армейской национальности. Но, о господи, оказывается, насколько проще разговаривать с мужчинами! Те сразу начинают с главного и замолкают, изложив суть дела.

– Дальше! – подхлестнула я замолчавшую Анохину.

– А что дальше-то?

– Зачем я ей понадобилась? – прорычала я в трубку. – Она хочет, чтобы я занялась розысками ее мужа?

– Конечно! – возмущению Аллы не было предела. – Зачем же еще? Понимаешь, позвонить сама она не решилась, побоялась, что откажешь, а мы с ней знакомы...

– Ольга знает, сколько стоят в России услуги частного детектива? – перебила я ее пустопорожние объяснения, мешавшие мне к тому же управлять машиной. – Борисовы не произвели на меня впечатление людей, купающихся в роскоши.

– На меня тоже, – согласилась Алла. – Тем не менее было сказано, что в деньгах недостатка не будет. Ты встретишься с ней?

– Когда и где?

– Прямо сейчас. Она дома сидит и горюет, бедняжка.

Потратив время, чтобы вместе с адресом Борисовых выколотить из Анохиной объяснения, как туда добраться кратчайшим путем, я с облегчением нажала кнопку отбоя и свернула на ближайшем перекрестке, потому что путь мой теперь лежал совсем в другую сторону.

Борисовы проживали в заурядной пятиэтажной хрущевке, правда, в трехкомнатной и добротно отремонтированной квартире. Ольга встретила меня на ступеньках возле подъезда. То ли ждала после звонка Анохиной, то ли совпало так удачно. Лицо ее было все в черных тенях, как у вдовы после похорон любимого мужа. Она узнала меня сразу, хоть и видела всего раз в полумраке бара, поспешила навстречу с улыбкой мученицы.

– Татьяна! – произнесла она вместо приветствия и так горестно, что мне вдруг захотелось помочь ей в ее беде, если таковая имеет место быть на самом деле.

Да, от нее явно исходил запах беды, и настолько ощутимый, что я, поддавшись первому впечатлению, чуть не принялась излагать ей свои соболезнования.

– Татьяна! – повторила она, и ее глаза налились слезами.

– Подождите, Ольга! Всего два дня прошло, это не срок. Отчаиваться рано, поверьте моему опыту...

Говорить она начала, не дослушав, на половине моей фразы, тихой, плачущей скороговоркой:

– Вы не знаете обстоятельств, поэтому и пытаетесь меня успокаивать. Все гораздо хуже и серьезней. Я объясню...

– Объясните, – согласилась я. – Но не на морозе же.

Ольга спохватилась и пригласила меня подняться в квартиру.

Металлическая дверь с кодовым замком затрудняла доступ посторонним в подъезд, ничем не отличавшийся от тысяч таких же других – в меру грязных, холодных, с облезлой краской на исписанных молодежью стенах и вечным запахом жарехи на постном масле. В квартире же было почти пусто, только самое необходимое, однако на удивление уютно. Это свидетельствовало о хорошем вкусе хозяев в отношении жилищного дизайна. В одном чувство меры им изменило напрочь – повсюду были ковры. Разных размеров и расцветок, везде, кроме прихожей, в которой в виде исключения брошен был под ноги старенький, потертый палас.

Я испытующе поглядела на хозяйку дома, когда она предложила проходить, не разуваясь, однако я скинула сапожки и пошла за ней по ковровому ворсу разной длины и упругости.

Кофе Ольга принесла сразу, приготовила его, наверное, заранее. Сунулась было за бутербродами, но я остановила ее хлопоты и предложила перейти без промедления к делу. А для разгона позволила себе вопрос, праздный на первый взгляд, но неплохо работающий в качестве затравки к главной теме разговора:

– Скажите, Ольга, Ларик... Это сокращенно. А как полностью звучит его имя? Илларион?

– Да, – она грустно улыбнулась. – Этим «Илларионом» он и достал меня при нашем знакомстве. Господи, какие были времена!

Я испугалась ее не к месту теперь воспоминаний и прикинула, как буду отвлекать ее от темы, если она увлечется ею, но Ольга оказалась человеком благоразумным и искушение это преодолела.

– Тогда, в баре, наверное, вскоре после вашего ухода, Ларику позвонил кто-то по мобильному. Муж ждал этого звонка весь вечер и не расставался с телефоном, держал его под рукой, в кармане. Я все боялась, чтобы он не раздавил его о край стола.

Ольга поставила передо мной пепельницу и закурила.

– Разговор получился коротким, но бурным. Звонивший так орал, что даже мне – а я сидела от мужа не близко, вы видели, – был слышен его голос. Ларик и слова в ответ не смог вставить. После этого звонка он загрустил и сидел как воды в рот набрал. А ведь веселый был, ухаживал...

Ну, положим, веселым он не был, это я тоже заметила. И насчет «ухаживал» – тоже под сомнением. Не джентльмен. Аркадия водкой поил, это правда, но и то – на спор... Интересно, почему Ольга начала с телефонного разговора? Продумала все заранее, превратив его в звено всей цепи событий?

– А позже, в машине уже, ему позвонили еще раз. Нет, на этот раз на него не орали. Зато Ларик все время оправдывался, говорил, что выпил лишнего.

Это меня заинтересовало сразу и настолько, что пришлось перебить Ольгу вопросом:

– Кто же это мог звонить, как вы думаете?

Вместо ответа она только плечами пожала – не знаю, мол, – и мне показалось, что сейчас она не искренна. Странно!

– После этого звонка Ларик совсем пал духом. Даже ремнем безопасности пристегнулся, такого с ним никогда прежде не случалось. Он даже не давал мне советов по вождению машины, как обычно. Невероятно! А приехав домой, мы с ним поругались. Из-за ничего, так, слово за слово, ну, вы знаете, как это бывает. И он стал собираться в теплицы, к Наташе. Ларик часто, как мы с ним повздорим, к Наташе уезжал, к сестре. Она там же, при теплицах и живет. С дочкой. Я его уговаривала, куда, мол, ты по такой погоде, давай отвезу. Конечно, он отказался, а я обиженную из себя корчила, позволила ему уйти, дура!

Ольга, едва удерживаясь от слез, закрыла глаза ладонью и сильно сжала пальцами виски, покачав низко опущенной головой.

– И больше я его не видела, – проговорила она прерывающимся голосом.

Ольга шумно вздохнула, подняла голову и потянулась к тлеющей в пепельнице сигарете.

– В теплицы я удосужилась позвонить лишь на следующий день, в воскресенье, уже ближе к вечеру. Была сердита на мужа. Наташа удивилась и сказала, что там не было Ларика, не приезжал он. Вот так!

Ольга достала заткнутый за рукав халата носовой платок и промокнула глаза, а я задумалась, со скрипом, правда, пока начиная соображать, «въезжать» в ситуацию.

– Значит, в теплицы можно даже позвонить, – отметила я как бы про себя, но вслух.

– Да, там есть телефон. Параллельный, правда, – подтвердила Ольга.

– А милиции про эти телефонные разговоры известно?

– Что вы! – Ольга даже рукой махнула. – Пришел лейтенантик, быстро списал данные с паспорта, задал пару вопросов про ссору и хлопнул дверью. А я тогда в панике была, просто не сообразила...

– Не связали звонки с возможным исчезновением мужа?

– Н-нет... Не то что... Да какое там!.. – она отвернулась. – А отчего же он еще в баре так переменялся-то? Мне кажется, с ним «разобрались». Вот теперь, кажется, все.

– Почему сразу этого не сказали? – я смотрела на Ольгу укоризненно. – Какие у вас основания для такого предположения? Не на пустом же месте оно возникло? – я почти прикрикнула, видя ее сомнения.

– Да боюсь я, неужели не понятно? За себя боюсь, вот такая я стерва! А основания мизерные. Только то, что звонки, подобные этим, были и раньше. И производили на Ларика примерно такое же воздействие. Тут будто нарыв зрел и вот так прорвался.

Ну наконец-то! Выказалась! Излила все, что грузом на душе лежало. И больше по делу от нее ничего толкового не добиться, это уж мне известно! Что ж, перейдем к обстановке.

– Теплицы, куда ушел Илларион, кому принадлежат?

– Нам. Ему. Теперь мне, по его завещанию.

Да, похоронила она его, кажется, основательно!

– В двух словах, пожалуйста, расскажите, что собой представляют эти теплицы.

– Ну, их несколько – под грибами и овощами, и оранжерея, где Наташа цветы разводит. Зимой довольно доходно. А в теплое время года живем в основном на то, что удалось отложить за год. Нет, в долги не залезаем и кредитов не берем. Проживаем прошлогоднюю прибыль.

Я окинула взглядом комнату и подумала, что прибыль их скорее всего ничего сверхъестественного не представляет. Вполне могла бы быть и больше, прибыль-то.

– Татьяна, вы попытаетесь нам... – Ольга смущенно кашлянула, – ...мне помочь?

Надо было отвечать прямо, а не ходить вокруг да около, тем более что я сама не люблю, когда этим занимаются мои собеседники. Но разыгрывать уверенность, когда ее нет, означает врать, а это еще хуже.

Я попросила у Ольги еще чашку кофе, покрепче, а пока она им занималась, обдумывала свои позиции. Поэтому, когда она вернулась с чашкой и все-таки с бутербродами, мои ясные глаза излучали твердую уверенность, какая свойственна хирургу, уверяющему пациента в благоприятном исходе операции.

– Давайте договоримся так, Оля, – сейчас я олицетворяла само спокойствие. – Проверить вашу версию с телефонными звонками я постараюсь, посмотрим, что из этого получится.

– Что из этого может получиться?!

– Определится перспектива в розыске Иллариона, ни больше ни меньше. Тогда поговорим и об окончательной стоимости моих услуг. Проверка обойдется вам скорее всего тысяч в восемьдесят. Таковы мои условия.

С моими условиями Ольга согласилась без колебаний и слегка озадачила меня равнодушием к названной сумме. Сама же говорила, что доходы их не беспредельны. Но это были ее заботы, и акцентировать свое внимание на этом факте я не стала. А напрасно, как выяснилось впоследствии.

По моей просьбе она позвонила в тепличное хозяйство и поговорила с Наташей – объяснила ей, кто такая Татьяна Иванова, зачем приедет и как нужно ее воспринимать и принимать.

Итак, договоренность с Ольгой Борисовой была достигнута, и новое мое дело началось. И Ольге заметно полегчало. Не одна она теперь была. Не один на один со своим горем. Ольга словно воспрянула духом, и наступила очередь бутербродов, не отведав которых оказалось невозможным откланяться. Впрочем, я и не отказывалась. Тонкие поджаренные ломтики хлеба, оставляющего впечатление только что испеченного, и нежнейший семговый балычок,

прикрытый петрушкой и молодым укропом. В декабре такая роскошь могла появиться на столе только у хозяев парников.

Да, я возьму с нее деньги. Уже беру, и немало. А если положение Ларика удастся выяснить окончательно, возьму не в пример больше. Это моя работа. За работу надо получать деньги. Тем более что спрос на нее довольно высок, да и качество я гарантирую.

Ольга была основательно заиклена на своих проблемах, продолжая и за едой говорить о том же; и мне стоило немалых усилий, чтобы переключить ее на какие-то пустяковые темы. Не составило большого труда установить, что квартирный дизайн – ее конек, и остаток встречи мы провели в интересной болтовне о мебели и коврах, цветах, багетках, занавесках, светильниках и еще о других интересных и милых женскому сердцу вещах. К концу трапезы мы были на «ты» и чувствовали друг к другу настоящую симпатию.

– Ты не забудешь обо мне, Танечка? – остановила она меня уже в дверях. – Позвонишь? А как связаться с тобой?

– Позвоню обязательно! – пообещала я и протянула ей свою визитку с номерами домашнего и сотового телефонов. – И заеду как-нибудь, если не увлекусь чересчур. На чашку кофе. Приглашаешь?

– С бутербродами. Ой, Татьяна, а какой рецепт пирога у меня есть!

Но обсуждение кулинарных изысков пришлось отложить до нашей следующей встречи.

Вернувшись в машину, я почувствовала хорошо знакомый азарт и желание действовать, как всегда перед делом, начинать которое приходится не на пустом месте. Эти два телефонных звонка чего-то да стоили. По крайней мере у Ольги насчет них сложилось вполне определенное мнение.

Проведя пять минут в раздумьях, я наметила два пути, действовать по которым можно было начинать без промедления. А который из них наиболее вероятный, а значит, и предпочтительный, должно показать ближайшее время и, конечно, мои гадальные кости.

Да, представьте себе, гадальные кости! Их советам я следовала в самых сложных ситуациях, когда речь шла, без преувеличения, о жизни и смерти, и все неизменно заканчивалось наилучшим образом.

Замшевый мешочек с ними сопровождал меня повсюду, и испросить у костей совета не составляло никаких проблем.

Три двенадцатигранника вскоре оказались на моей ладони и явили цифры: 8+16+28.

В древней, почти забытой сейчас науке нумерологии имеются тысячи расшифровок цифровых сочетаний, подобных этому. Когда-то, тренируя память, я заучила многие из них наизусть. Это позволяет пользоваться гадальными костями в полевых условиях без необходимости возить с собой пухлый справочный том.

«Враждовать с другом глупо, а дружить с врагом еще и опасно. Будьте внимательны к окружающим вас людям», – без труда вспомнила я значение выпавших цифр.

Вот как! Судя по результатам гадания, начало нового расследования не сулит мне спокойствия. А если вспомнить, что я намереваюсь обратиться за информацией к бандитам, которым оказала не далее как сегодня небольшую услугу, то невольно задумаешься. Есть же поговорка: «Предупрежденный – вооружен». За точность перевода с латыни не ручаюсь, но смысл передан верно. Забыть такое предупреждение человеку осмотрительному, согласитесь, невозможно.

С такими мыслями я взялась за сотовичок и медленно, вся в сомнениях, правильно ли поступаю, набрала номер некоего Цибиза, человека достаточно известного в деловых и всяких прочих кругах.

– Вас очень внимательно слушают, – ответил мне хорошо поставленный баритон.

– Здесь Ведьма, – отрекомендовалась я. – Мне нужно поговорить с Сергеем.

– Минуту, – благожелательно попросили меня подождать.

Минута растянулась на две, пять... У меня устала рука, прижимающая телефон к уху. Когда звонишь людям подобного сорта, всегда есть место сомнению в правильности действий, а тут еще гадание... Знаю-то я Сергея давно, но значение это имеет чисто номинальное.

– Отзовитесь! – прозвучал в трубке знакомый голос.

– Да, Сергей, это я.

– Рад тебя слышать, Татьяна, рад. Чем обязан? Дело какое?

Когда это я без дела на глаза к нему вылезала?

– Помоги мне, Сергей, – попросила я попросту, бесхитростно.

– По телефону что-нибудь говорить можно? – спросил он после короткой паузы.

– Ну, если только в двух словах. Ты поймешь. Речь идет о продаже, как вы говорите, «безопасности» одному предпринимателю. Насколько я могу судить, сделка не состоялась, и покупатель «выехал». Мне нужны продавцы.

– Хватит, хватит! – он поспешил остановить меня, но я и так уже все сказала. – Вот действительно Ведьма! – слышно было, как он усмехнулся после продолжительного вздоха. – Это уже в который раз, Татьяна? Ты просишь меня прищемить людей, занимающихся законным бизнесом.

– Нет, Сергей, – поспешила я объяснить свою просьбу. – На этот раз никого прищемить не надо. Мне интересен сам отъехавший. То есть его теперешний адрес. И не более того.

– Точно?

Сергей требовал слова. А оно по неписаному, но жесткому закону ограничивало мои действия и интересы надежнее любых как угодно скрупулезно оформленных обязательств. А за нарушение такого ограничения требовалось отвечать, невзирая на любые смягчающие обстоятельства.

– Только это, Сергей, – заверила я без промедлений.

Он задумался, озадаченно пыхтя время от времени. Курил, должно быть, выдыхая дым в решеточку микрофона.

– Ну конечно, Татьяна! – ответил он наконец, и тон его был теперь совсем другим. – Чего только я для тебя не сделаю! Подъехать сможешь? – И Цибиз опять замолчал в ожидании ответа.

– К кому, когда и куда?

– В «Тройку». В ресторан. Вечерком сегодня. Там будет сидеть Радик Абдулатипов, который тебя и выслушает. Прямо у швейцара и спросишь, мол, где Радик меня дожидается? Не за что! – ответил Сергей на мою благодарность. – И вот что еще. Когда тебе помогут, перезвони мне. Не забудешь?

Попробовала бы я забыть! В таком случае в будущем обращаться к нему за помощью не имело бы смысла.

Ну как не сотрудничать с ними? Как отказываться от просьб-поручений типа сегодняшнего? Излишняя щепетильность в наше время мешает жить. Но, кстати говоря, эта публика так же соблюдает известные этические границы, и не было случая, чтобы они попытались перемазать меня своей грязью.

* * *

Череп, найденный мальчишками в заснеженном овраге у подножия резиновой горы и отобранный у них Женечкой Стихарем, очень не понравился Аркадию Трегубову. Вида он, правда, сразу не подал, проявив выдержку, но от Сергея Ивановича Желудева, которого Стихарь, не мудрствуя лукаво, называл просто Желудем, не укрылась прикушенная губа и быстрый, брошенный искоса взгляд начальника. Аркадий долго стоял над ведром, куда, порядка ради, Сергей Иванович закатил череп еще до его приезда. Удалить с концами до приезда хозя-

ина не решился – Женечка мог рассказать Губастому о находке, и тогда не миновать грозы. А так, может, и пронесет господский гнев мимо. Не он же, Желудев, виноват в этом безобразии. Во всяком случае, не он один.

– Обрадовали! – подал наконец голос Аркадий, наклонился, взял эту гадость в руки и повернул обратной стороной, той, в которой зияла здоровенная дыра, ободранная по краям чем-то достаточно тупым и твердым. Чем – знали они оба.

Не говоря ни слова, Аркадий прошел в комнату и положил череп на стол. Из-за отсутствия нижней челюсти и пролома в затылке он устойчиво держался на ровной поверхности. Череп лежал лицевой стороной вверх, пялясь темными глазницами в бетонные плиты низкого потолка. Сергей Иванович не только не возмутился, но даже оробел, настолько преобразилась комната сразу, как только появилось в ней этакое украшение. Повеяло какой-то средневековой чертовщиной и детскими ночными кошмарами. Захотелось бежать из этой тишины или говорить без умолку. Желудь выбрал второе.

– Летний, Аркадий Дмитрич, никак не позже. Сами видите, изнутри очиститься успел, как выскоблен.

Аркадий покивал быстро и коротко, сел на стул и уставился на Желудя, так и застывшего на пороге. В телевизоре, приткнувшемся на стеллаже, какие-то разнаряженные в пух и прах девицы задирали выше головы голые ноги. У Сергея Ивановича заныла поясница и зачесались ладони.

– Летний, – со вздохом повторил Аркадий. – Это надо же, летний! Так сколько же мне еще таких сюрпризов ждать, когда снег сойдет? Или повеситься до весны?

У него покраснели щеки и вздулась жила на лбу, а у Желудя вдруг мелко, погано задрожали колени.

– Отвеча-ать!

Аркадий вскинул над головой кулак, но не грохнул им по столу, сдержался, сцепив зубы, плавно опустил, положил рядом с черепом. Впервые видел Сергей Иванович своего руководителя в таком состоянии.

– А чего отвечать? – в высшей степени неожиданно даже для самого себя с дерзким напором ответил Сергей Иванович, и все бы получилось отлично, если б не истеричный взвизг, вырвавшийся у хозяина в конце фразы.

– А того! – Аркадий отвернулся и сплюнул прямо на пол, чего до сего момента не позволял себе никогда, ни при каких обстоятельствах. – Я вас, бичи местные, за это, – ткнул пальцем в костяной лоб, – я вас самих псам скормлю! Если еще раз... еще раз... – Он вдруг вскочил, будто подброшенный нечистой силой, схватил пятерней череп и с диким ревом жакнул его о цементный пол с такой силой, что тот разбился на куски, разлетевшиеся по комнате в разные стороны.

Встряхнув головой, Аркадий шагнул к прижавшемуся спиной и затылком к стене Сергею Ивановичу, но не тронул, прошел мимо, в гараж. Какие круглые глаза у него только что были!

– Убрать! – подал он команду уже оттуда.

Громко хлопнула дверь, ведущая во двор. Больше сдерживаться было не перед кем, и Желудь, давая себе волю, тонко завыл, сползая спиной по стене; потом сел, как свалился, обессиленный, на пол.

Во дворе взвыл мотор «уазика», с рычащим звуком заскребли по снежной корке шипованные колеса. Аркадий Дмитриевич, слава тебе, господи, уезжал отсюда и от греха подальше.

* * *

Наталья оказалась молодой, по-крестьянски крепкой женщиной с румяными щеками и серьезными до настороженности глазами. Открыв дверь, она не сразу впустила меня, а, внимательно рассмотрев, спросила неожиданно тонким голоском:

– Вы к кому? Вы что-то хотели?

– Я Татьяна Иванова. Вам Ольга звонила, просила меня принять и не удивляться моим вопросам, помните?

Но и после такого представления она какое-то время напряженно изучала мое лицо, будто сличая его по памяти с каким-то еще.

По длинному темному коридору она провела меня в большую комнату, перегородленную поперек сдвоенными шкафчиками, какие обычно ставят в заводских бытовках, и показала на стул возле высокого, самодельного стола. Я села. Она устроилась напротив и только тогда соизволила заговорить.

– Я-то думала, что Оля с вами приедет. Никогда ее подруги без нее не заявлялись.

По-моему, ничего она не поняла из сказанного Ольгой обо мне по телефону.

– Я, Наташа, взялась за розыски вашего брата, и ни цветы, ни петрушка мне не нужны.

– Лариона? – в ее глазах засветилось наконец-то понимание. – Да, пропал Ларион. Вы следователь?

Я кратко объяснила ей свой статус, но он ее как-то не заинтересовал. Ну, пусть будет так. Следователь так следователь, я не возражала.

– Ольга говорила, что вы тут живете постоянно.

– Ну не здесь же! – она сделала рукой широкий жест, имея в виду бытовку. – У меня приличная квартирka рядом с оранжереей. Ларик постарался. Куда же его, черта, занесло на этот раз? Вот, действительно, нашли бы вы его, и сказать бы ему пару ласковых, чтобы пил поменьше и от дружков своих любезных подальше шарахался. А то нахамит им, а потом неделями нос здесь показать боится.

Она растягивала слова, словно пела их своим тонким голоском, а я краем глаза следила за ее руками. Суетливыми были ее руки. Они то поправляли темную, туго повязанную косынку; то быстрым движением пробегали сверху вниз по пуговицам ушитого по фигуре синего рабочего халата; то ложились на колени, чтобы через секунду опять подняться к лицу. Волновалась Наташа, не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы это заметить.

Я передернула плечами, как от озноба, и попросила:

– Не считите за бесцеремонность, соорудите чайку, пожалуйста. Горяченького. Что-то пробрало меня, пока сюда добиралась. – «Кофе вряд ли здесь водится», – подумалось мне.

– Ой, да конечно! – обрадовалась она. – Да что это я! И чайник вскипел недавно. Сейчас я его еще немного...

Она встала и, перегнувшись через стол, раздвинула шторы на небольшом окне, впустив в комнату предвечернее солнце. Янтарным цветом засияли морозные узоры на его стеклах.

Быстро собрав на стол, Наталья водрузила на него зеленый эмалированный чайник.

– Вам покрепче или как? – осведомилась она, берясь за большую алюминиевую кружку с заваркой. – Чай готовить меня еще в Казахстане научили. Попробуете – оцените. Даже из нашего, никуда не годного порошка можно такую прелесть сделать!

Отвратительным оказался ее чай по-казахски, хоть был и не из порошка приготовленным, а из приличного, крупнолистого сбора. Однако такого варенья я действительно нигде до сих пор не пробовала и удивилась нежному, ни на что не похожему вкусу.

– Из чего это? – спросила я ее, бесцеремонно запуская ложечку в банку, в красное, прозрачное, с полурасплавшимися дольками желе.

– Из помидоров! – ответила Наташа гордо. – Нравится?

– Очень. Ничего, что я вот так, ложками?

– Господи, да сколько угодно! А то вы сами не знаете, как приятно, когда другим нравится твоя стряпня!

Лед между нами тронулся и сошел окончательно, когда я записала для себя рецепт варенья из помидоров, продиктованный Натальей по памяти аж в трех вариантах: без прикамбасов, с апельсиновыми корками и с добавлением протертой на мелкой терке моркови. Сделала я это без тени лицемерия – варенье действительно было великолепным.

– Наташ, что ты там про взаимоотношения Лариона с друзьями говорила? – спросила я, подливая в кружку ее чайной бурды.

– Сболтнула, не подумав, – попыталась женщина уйти от ответа, но это ей не удалось. Я мягко, но с приличным нажимом потребовала от нее ответа.

– Совсем рядом с нами, вон там, – она показала в сторону двери, – псарня. Нет, какая же милицейская, если у нее хозяин есть? Ларик с ее хозяином, а в последнее время особенно, как на ножах живут. Какие-то деньги делят, что ли. Ой, да не знаю я толком! Никогда не интересовалась чужими делами, просто слышала, как они по телефону переругивались, да раз или два Аркашка этот сам сюда приезжал.

– Аркадий? – перебила я ее. – Трегубов?

– Не знаю, не знаю, сколько он там «губов», а только каждый раз их разговоры лаем заканчивались.

– Наташ, я прошу тебя, припомни все, что сможешь! Как выглядел этот Аркашка, о чем они разговаривали, кто ссориться начинал? Это важно!

– В глаза-то, так чтобы рассмотреть, я его видела всего-то однажды. Недавно совсем, уже холода стояли. Мужчина как мужчина. В пальто, правда, не в куртке, но сейчас многие так ходят. Особенно кто побогаче или казаться таким хочет. Длинное пальто, до пят почти, с во-от такими плечами и широкими рукавами. Темное. И еще, без шапки он был и нараспашку, несмотря на холод. Шарф на шее. Длинный, до колен, с бахромой на концах.

Она задумалась, припоминая.

– А ведь не старый он, но какой-то... – подумав еще, определила, нашла она нужное слово: – Бывалый. Ларион по сравнению с ним мальчишка. Говорили они здесь, за стенкой, потому и слышала, особенно как орать начали. Ларик орал, а тот лишь бурчал и крикнул только в самом конце. Не получишь, мол, в этом месяце нисколько и не надрывайся, никто тебя не боится. И в будущем, мол, посмотрим на твое поведение, платить ли! Ларион тогда аж взвился! На визг перешел, ей-богу. Аркашка же смеялся, басом так, громко.

Наталья усмехнулась пренебрежительно и заела все ложечкой помидорного варенья, как жизнь подсластила.

– О чем же они так круто поговорили? За что Аркадию платить-то надо было?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.